

оно призвано выражать, и судьба эта в разных языках бесконечно разнообразная, капризная и логически необъяснимая.

Ради примера приведем такое рассуждение В. А. Звегинцева⁴: «...по своим лексическим значениям русское *стол* отнюдь не однозначно с английским *table*. По-английски нельзя употребить слово *table* в смысле отдела в учреждении: *личный стол* (по-английски *personnel office*), *адресный стол* (по-английски *adress bureau*), *стол заказов* (по-английски *preliminary-orders departament*) и т. д. Для значения „питания“ в английском также предпочтительно употребляется не *table*, а слово *board* или *cooking*, *cookery* (*стол и квартира* — *board and logging*, *домашний стол* — *plain cooking*, *диетический стол* — *invalid cookery*). С другой стороны, английское *table* употребляется в значениях, которых не знает русское слово *стол*: 1) каменная, металлическая или деревянная пластинка с надписями, а отсюда и сами надписи (*the table of law*); 2) таблица (*table of contents of a book*; *tables of weights and measures*; *mathematical tables* и т. д.).»

Читатель сам прекрасно понимает, что подобного рода примеров из любого языка можно было бы привести десятки, сотни и, вероятно, целые тысячи. Языковые знаки являются и актами мысли, и актами понимания реальной действительности. Но однажды возникнув из отражения действительности и из теоретического мышления, т. е. ставши интерпретацией, языковые знаки начинают жить своей собственной жизнью, создают свои собственные законы, методы и просто навыки или традиции и становятся условно свободными, условно независимыми, условно самостоятельными, так что законы и вообще способы функционирования языковых знаков обладают своей собственной природой, т. е. природой не прямого отражения действительности или мышления о ней, но своего собственного понимания и самой действительности и самого мышления о ней, своей собственной их интерпретации. Теперь мы остановимся на самом главном принципе построения грамматического предложения — на принципе предикации.

Эта грамматическая предикация в отличие от логической однозначности, а если от многозначности, то строго планируемой в логике, прежде всего вовсе не отличается застывшим однообразием и унылой однозначностью. В строго логическом мышлении предикация вовсе не является застывшим однообразием, поскольку это однообразие здесь вовсе не рассчитано на охват бесконечных вещей и, строго говоря, она здесь вовсе и не есть только однозначность. Она здесь большей частью тоже является многозначностью, но только строго планируемой, т. е. тоже строго логической. Совсем другое дело в грамматике.

Если я скажу «книга есть произведение печати», то связка «есть» является здесь на первый взгляд как будто бы чем-то однозначным. Но даже и эта простая грамматическая связка «есть» вовсе не однозначна. Ведь это же есть указание на то или другое бытие. А видов бытия опять-таки бесконечное количество. Если я скажу «Юпитер есть верховное божество у древних римлян», то это сказуемое «есть» по своему смыслу вовсе не то, что в предложении «у меня есть рубашка». А это последнее «есть» вовсе не то, какое мы имеем в предложении «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками». Еще в другом смысле слово «есть» употребляется в таком предложении, как «Пушкин есть солнце русской поэзии». Другими словами, грамматическая предикация может действительно указывать на логическое отношение между подлежащим и сказуемым; и яснее всего это в таких предложениях, которые подводят подлежащее как видовое образование под сказуемое как родовое образование («Пушкин — это есть поэт»). Но чаще всего предикация в грамматическом предложении вовсе не есть подведение вида под род.

⁴ Звегинцев В. А. Проблема знаковости языка. М., 1956, с. 19.